

№ 10

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕЙСМАНЪ-ГЕ

Цѣна на годъ съ дост. . . .	6 р. — к.
безъ дост.	5 » — »
На полгода.	3 » 50 »
На три мѣсяца.	2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. И. С. Никитинъ. Н. Капустиной. —
 II. Утро въ лѣсу. (Стих.). С. Дрожжина. III. Малень-
 кій рудокопъ. Нирица. — IV. Очеркъ Воронежской
 губерніи. * *

ИВАНЪ САВИЧЪ
НИКИТИНЪ.

МѢТЪ тринадцати, четырнадцати я была очень само-
 увѣренна. Всѣ кругомъ меня: старшія сестры,
 братья, мать—называли меня умной, способной дѣ-
 вочкой,—въ гимназіи я училась довольно хорошо, считалась
 изъ лучшихъ ученицъ по русскому языку и недурно писала
 сочиненія. И вотъ у меня явилась мысль, что я будущая
 писательница. Я попробовала написать повѣсть о вредѣ
 лжи, описывала какъ одна дѣвочка отъ мелкой лжи перешла

къ крупной, за что всѣ разлюбили ее. Но дальше первыхъ главъ я не пошла. Во второй повѣсти описывала жизнь въ деревнѣ одного многочисленнаго семейства. Затѣмъ принялась за стихи. Съ какой мукой, съ какимъ трудомъ стихи давались мнѣ! Я часами сидѣла надъ риемой,—самый размѣръ не выходилъ у меня. Перемаравъ пропасть бумаги, я переписывала свое стихотвореніе набѣло въ розовую тетрадку и показывала подругамъ, сестрамъ, матери, всѣмъ и каждому, и всѣмъ подъ страшнымъ секретомъ, а выходило такъ, что всѣ этотъ секретъ знали. Только отцу боялась показать свои литературные труды—пожалуй не одобрить, да ему и некогда было: онъ самъ писалъ ученыя статьи.

— Что же ты, легко написала стихи? спрашивали меня подруги.

— Ничего, не трудно, говорила я, краснѣя.

Думали я краснѣю отъ застѣнчивости, а я краснѣла отъ стыда, что скрываю какого труда стоилъ мнѣ каждый стихъ.

Разъ за вечернимъ чаемъ отецъ сказалъ мнѣ:

— Покажи-ка, Наташа, какіе это стихи ты тамъ пишешь. Что это за новый поэтъ появился?

Я стала отказываться, краснѣла, испугалась.

— Пустяки, покажи, покажи.

Нечего дѣлать, пошла за своей тетрадкой, принесла.

Матушка, сестры, два брата—оба моложе меня, старались ободрить меня. Матушка говорила, что я еще ребенокъ. Отецъ раскрылъ тетрадку и сталъ читать вслухъ:

13 ноября. „Утро въ деревнѣ“.

Солнце встало рано, рано,
Птички весело поютъ;
Изъ дали черезъ долину
Къ намъ привѣты свои шлютъ.
И коровушекъ ужъ стадо
Пастушекъ повелъ на поле,
И несется намъ оттолѣ
Пѣсня пастушка на волѣ.

Отецъ, прочтя, сдѣлалъ хмѣ... и продолжалъ:

„Старшая дочь рабочаго“.

Жилъ-былъ рабочій одинъ,
Жена у него умерла
И оставила шестеро дѣтокъ
Безъ матери, бѣдныхъ, она.

Отецъ, не кончивъ эти стихи, перевернулъ страницу:

„Сатира на гимназистокъ“.

По грязнымъ камнямъ Коломны,
Лишь восемь пробьетъ на часахъ,
Идутъ гимназистки толпой
И такъ говорятъ межъ собой.

— Плохое подражаніе Лермонтову, сказалъ отецъ и прочелъ на послѣдней страницѣ.

„Весна въ деревнѣ“.

Въ воздухѣ льется пѣснь жаворонка,
Лѣсъ зеленѣетъ въ дали,
Поле покрылося свѣжей травой.
Все такъ и дышетъ весной.

Отецъ закрылъ тетрадку и сказалъ:

— Знаешь что, Наташа, брось... Ты не поэтъ и, вѣроятно, никогда имъ не будешь. Поэтому надо родиться, только тратишь время, учи лучше свои уроки прилежнѣе... У тебя ни стиха, ни риемы: плохой наборъ словъ, разбавленный уменьшительными словами.—Ну что это такое? „И коровушекъ ужъ стадо пастушелевъ повелъ на поле“... Пастушекъ! Что это, фарфоровая игрушка что ли? Оборванный паренъ, чуть не нищій на самомъ дѣлѣ. „И несется къ намъ оттолѣ пѣсня пастушка на волѣ“... Ни риемы, ни смысла. А вотъ сравни хоть съ этимъ, и онъ прочелъ начало стихотворенія Никитина:

Ясно утро. Тихо вѣетъ
Теплый вѣтерокъ;
Лугъ, какъ бархатъ, зеленѣетъ,
Въ заревѣ востокъ.

А вотъ это еще лучше:

Первый громъ прогремѣлъ. Яркій блескъ въ синевѣ,
Въ тепломъ воздухѣ пѣсни и нѣга;
Голубые цвѣтки въ прошлогодней травѣ
Показались на свѣтъ изъ-подъ снѣга.

— Ну-ка, Наташа, посравни-ка эти стихи съ твоими. Брось писать стихи. Тебѣ надо учиться. Вотъ нынче и отмѣтки хуже принесла.

Сказавши это, отецъ всталъ и пошелъ въ свой кабинетъ, я, вся въ слезахъ, бросилась къ себѣ въ комнату. Мать и сестры всѣ приходили утѣшать меня, ничто не помогало.

— Я не поэтъ. Мнѣ не писать стиховъ... говорила я, заливаясь слезами!...

Матушка, видя что утѣшенія напрасны, рѣшила дать мнѣ выплакаться и оставила меня одну.

Вдругъ дверь отворилась, вошелъ отецъ.

— Это ты что же тутъ въ темнотѣ-то дѣлаешь?

Я молчу, слезы не даютъ мнѣ сказать слова—отецъ подошелъ къ столу, зажегъ свѣчу, я лежала на кровати, уткнувшись въ подушки; онъ приподнял меня, отнял отъ лица мои руки и, обнявъ меня одной рукой, сказалъ:

— И не стыдно тебѣ, Наташа! Подумай, о чемъ ты плачешь? Неужели о томъ, что я тебѣ сказалъ правду—и опять говорю: тебѣ надобно заняться дѣломъ, а не стихами—это даже не стихи, а просто наборъ словъ. Поэтому надобно родиться... Ну представь себѣ, ты захотѣла бы быть пѣвицей, а голоса у тебя нѣтъ и я тебѣ сказалъ бы это. Неужели ты стала бы плакать: ахъ, зачѣмъ я не пѣвица!

Я невольно улыбнулась.

— Вотъ это тоже самое. Каждый можетъ быть полезенъ, для этого долженъ учиться и трудиться, но не каждый можетъ быть Пушкинымъ, Лермонтовымъ. И вѣдь навѣрно хочешь славы.

Я покраснѣла.—А настоящіе-то поэты пишутъ потому, что не могутъ не писать. Настоящіе-то поэты рождаются ими, мно-

гіе выходятъ изъ бѣдности, изъ тяжелой обстановки. Вотъ хочешь, пойдешь, я расскажу тебѣ жизнь поэта Никитина, кстати я недавно прочелъ о немъ біографію его друга Де-Пуле.

Конечно я согласилась, горе мое ужъ утихло немного. Отецъ повелъ меня въ кабинетъ, туда же позвалъ матушку, сестеръ моихъ и братьевъ и рассказалъ намъ жизнь Никитина. Я передаю его рассказъ, какъ запомнила.

Вотъ какъ онъ началъ:

Родился Никитинъ 1824 года 21 сентября, въ Воронежѣ, въ нагорной части города. Видъ изъ ихъ домика открывался прямо на рѣку, а за нею на дальнюю степь. Отецъ его былъ простой мѣщанинъ, звали его Савва Евтихѣвичъ, мать его, Прасковья Ивановна, тоже была мѣщанка.

Первыя лѣтъ восемнадцать жизни Ивана Савича жили Никитины не нуждаясь въ средствахъ. У Саввы Евтихѣвича былъ заводъ восковыхъ свѣчей, свѣчная лавка на базарѣ и кромѣ того, онъ торговалъ на ярмаркахъ.

Первое дѣтство Вани прошло хорошо. Вотъ какъ онъ вспоминаетъ о немъ. (Отецъ взялъ книгу сочиненій Никитина и читалъ).

Дѣтство веселое, дѣтскія грезы —
Только васъ вспомнишь,—улыбка и слезы...
Голову няня въ дремотѣ склонила,
На полъ съ лежанки чулокъ уронила:
Прыгаетъ котъ, шевелить его лапкой,
Свѣчка ужъ меркнетъ подъ огненной шапкой,
Двигается сумракъ, въ глаза мнѣ глядитъ...
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

Прогнали сонъ мой рассказы старушки.
Вотъ я въ лѣсу у порога избушки;
Ждетъ къ себѣ гостя колдунья сѣдая —
Змѣй подлетаетъ, огонь разсыпая.
Замеръ лѣсъ темный, ни свиста, ни шума,
Смотрятъ деревья угрюмо, угрюмо!
Сердце мое замираетъ—дрожитъ....
Зимняя вьюга шумитъ и гудитъ.

Няня встаетъ и лѣниво зѣваетъ,
 На ночь постелю мою оправляетъ.
 „Лягъ, мой соколикъ, съ молитвой святою,
 Божія сила да будетъ съ тобою“...
 Нянина шубка мнѣ ноги пригрѣла,
 Вотъ ужъ въ глазахъ у меня запестрѣло,
 Сплю и не сплю я... лампада горитъ...
 Зимняя вьюга шумить и гудить.

И вотъ еще:

..... Утромъ встанешь,
 Прямо въ садикъ... Рай земной!
 Пѣсни, говоръ... А какъ глянeshь
 На росинки,—самъ не свой!
 Чуть сорока прощекочетъ, —
 Понимаешь, хотъ молчишь,
 Упрекнуть, молъ, она хочетъ:
 „Здравствуй, Ваня!... долго спишь!“

Мать Вани была простая, добрая женщина, а отецъ выдѣлялся отъ другихъ мѣщанъ тѣмъ, что происходя изъ духовнаго званія, былъ грамотный, очень любилъ читать и читалъ много, у него была даже своя маленькая библиотечка. Онъ своему Ванѣ хотѣлъ дать хорошее образованіе и даже мечталъ отправить его въ университетъ.

Ваня былъ мальчикъ хорошенькій. Лицемъ походилъ на мать, а умомъ былъ какъ отецъ. Друзей въ дѣтствѣ у него было мало, онъ игралъ больше съ двоюродной сестрой своей Аннушкой. Шалить онъ пересталъ рано, часто задумывался и притягивался къ окружавшей его жизни. На восьмомъ году Ваню стали учить грамотѣ. Первымъ его учителемъ былъ сапожникъ. Учили тогда конечно буки-азъ-ба, грамота далась Ванѣ съ трудомъ.

Вотъ какъ Никитинъ вспоминаетъ объ этомъ:

..... Воображеніе
 На память дѣтство привело:
 Въ просторной комнатѣ свѣтло;
 Складовъ томительное чтенье
 Тоску наводитъ на него.

За дверью шумъ: отецъ его
 Торгуешь что-то... Слышны споры,
 О дегтѣ, лыкахъ разговоры,
 И серебра и рюмокъ звонъ...
 А садъ сіяньемъ затоплень...
 Тамъ зелень, листьевъ трепетанье,
 Тамъ лепетъ, пѣнье и жужжанье —
 И голоса ему звучать:
 Иди же въ садъ! Иди же въ садъ! —

Отъ матери Ваня ничего не видалъ кромѣ ласкъ, отецъ хоть любилъ его и гордился имъ, какъ способнымъ мальчикомъ, но былъ къ нему строгъ и Ванѣ частенько таки доставалось отъ отца, да не такъ какъ тебѣ, Наташа, и братьямъ за дѣло, замѣтилъ отецъ, а случилось колотилъ онъ Ваню подъ сердитую руку, такъ себѣ ни за что. Онъ былъ человѣкъ горячій, вспыльчивый, особенно выпивши. Мать утѣшала Ваню, когда ему приходилось круто, не то онъ бѣгалъ на рѣку, куда нибудь загородъ, засматривался на разстилавшійся передъ нимъ видъ и забывалъ свое горе.

Вотъ въ этомъ отрывкѣ Никитинъ описываетъ свое дѣтство подъ именемъ Тараса:

Тарасу съ дѣтства приходилось жутко:
 Отецъ его былъ строгъ и крутъ,
 Женѣ побои называлъ онъ шуткой,
 И называлъ наукой кнутъ.

Бывало, котъ подъ ноги подвернется, —
 Кота подѣномъ... „будь уменъ!“
 Храни Господь, когда вина напьется,
 Бѣги семья изъ дома вонъ.

Испуганный сынишко встрепетается
 И матери тайкомъ шепнеть:
 „Охъ, матушка! опять отецъ дерется...
 „Уйдемъ! онъ и тебя прибьетъ“...

— „Ступай-ко за грибами, вотъ лукошко“,
 Отвѣтитъ мать; „тутъ хлѣбъ лежитъ...“ —
 И въ темный лѣсъ знакомою дорожкой
 Мальчишка бѣгомъ побѣжитъ.

И тамъ онъ ляжетъ на травѣ росистой.
Прохлада, сумракъ. Вотъ запѣлъ
Зеленый чижъ подъ липою душистой;
Вотъ дятель на березу сѣлъ.

Когда Ванѣ минуло восемь лѣтъ, Савва Евтихievичъ отдалъ Ваню въ духовное училище по совѣту своихъ знакомыхъ.

Въ то время ученіе въ школѣ давалось не такъ легко, какъ теперь: все заставляли учить наизусть, ничего не объясняя. И относились тогда къ ученикамъ не такъ, какъ къ вамъ теперь относятся въ гимназіяхъ и другихъ школахъ. Учителя обращались съ учениками грубо, рѣзко: били ихъ, сѣкли за всякіе пустяки и бѣдныя дѣти должны были все выносить и выходили все-таки знающіе и способные. Вотъ какъ говорить объ этомъ самъ Никитинъ въ „Запискахъ семинариста“.

— „А вотъ, помню я, былъ у насъ учитель во второмъ классѣ училища, Алексѣй Степанычъ, коренастый, съ черными нахмуренными бровями, и такой рябой и карявый, что смотрѣть скверно. Вызоветъ онъ, бывало, на средину класса и крикнетъ: „читай!“ А изъ глазъ его такъ и сверкаютъ молніи! Взглянешь на него украдкою и начнешь измѣняться въ лицѣ, въ головѣ пойдеть путаница, и все вокругъ тебя заходить: и ученики, и учитель, и стѣны—просто диво! И понесешь такую дичь, что послѣ самому станетъ стыдно. „Не знаешь!“ зарычитъ учитель: „къ порогу!..“ И начнетъ, бывало, жаркая баня... Чтожъ вы думаете? Попадались такіе ученики, которые, не жалѣя своей кожи, находили непонятное удовольствіе бѣсить своего наставника. Бывало, иной ляжетъ подъ розги, закуситъ до крови свой палецъ—и молчитъ. Его сѣкутъ, а онъ молчитъ. Его сѣкутъ больнѣе, а онъ все молчитъ. Алексѣй Степанычъ смотритъ и со зла чуть не рветъ на себѣ волосы... Да мало ли чего случалось! Однажды ученикъ дѣлалъ дѣленіе и до того спутался, что никакъ не могъ рѣшить задачи. Стоитъ бѣдняжка у доски,

лице разгорѣлось, по щекамъ текутъ слезы, носъ выпачканъ мѣломъ, руки и правая пола сюртука въ мѣлу — Алексѣй Степанычъ злится, не приведи Господи! „Ну, говорить: чтожь ты!.. рѣшай!.. И вдругъ повернулся направо. „Богородицкій! какъ ты объ этомъ думаешь?“ Богородицкій вскочилъ со скамьи, вытянулъ руки по швамъ и, вспомнивъ, что въ катихизисѣ есть подобный вопросъ съ надлежащимъ къ нему отвѣтомъ, громогласно и нараспѣвъ отвѣчалъ: „я думаю и разсуждаю объ этомъ такъ, какъ повелѣваетъ мать наша церковь“. Мы всѣ переглянулись, однакожь засмѣяться никто не смѣлъ. Алексѣй Степанычъ плюнулъ ему въ глаза и крикнулъ: „на колѣни!“...

И обстановка-то не походила на нынѣшнія школы. Классы изъ экономіи почти не топили, такъ что всѣ стѣны снутри покрывались инеемъ, какъ иногда окна въ сильные морозы. Вотъ слова Никитина:

„Всѣ скамьи заняты плотно-сдвинутыми массами народа. На столахъ разложены тетрадки и книги, едва отворится дверь — изъ класса бѣлымъ столбомъ вылетаетъ влажный паръ и медленно рѣдѣетъ подъ сводами корридора. Холодно, чортъ побери! Бѣдныя ноги такъ зябнутъ, что сердце щемитъ отъ боли и послѣ двухчасоваго, неподвижнаго сидѣнья, когда выходишь изъ-за стола, онѣ движутся подъ тобою, какъ будто какія нибудь деревяшки.

Я помню, что въ училищѣ мы до нѣкоторой степени облегчали свое горькое положеніе въ этомъ случаѣ такимъ образомъ: когда продрогшіе ученики теряли уже послѣднее терпѣніе и замѣчали, что наконецъ и самъ учитель, одѣтый въ теплую енотовую шубу, потираетъ свои посинѣвшія руки и пожимаетъ плечами—изъ отдаленнаго угла раздавался не-смѣлый возгласъ: „позвольте погрѣться!...“ Позвольте погрѣться! вторили ему въ другомъ углу, и вдругъ все сливалось въ одинъ громкій, умоляющій голосъ: „позвольте погрѣться!...“ И учитель удалялся иногда въ корридоръ, а чаще въ комнату своего товарища, который занималъ казенное

помѣщеніе въ нижнемъ этажѣ. Вслѣдъ за нимъ сыпались дружные звуки оглушительной дроби. Это-то и было согрѣваніе: ученики, сидя на скамьяхъ, стучали во всю мочь своими окоченѣлыми ногами объ деревянный, покوروبившійся отъ старости полъ. Между тѣмъ какойнибудь шалунъ, просунувъ въ полуотворенную дверь свою голову, зорко осматривалъ корридоръ. „Гдѣ учитель? Въ корридорѣ?“ спрашивали его позади. „Нѣтъ. Ушелъ внизъ“. „Валяй, братцы! Валяй!...“ И ученики прыгали черезъ столы на середину класса.

„Ну, ты! мокроглазый! Становись на поединокъ...“ восклицаетъ одна голоостриженная, бойкая голова и размахиваетъ кулаками передъ носомъ своего товарища.

— Становись! говоритъ мокроглазый, притопывая ногой, — становись!

Разъ—два! разъ—два! и пошла кулачная работа.

Къ нимъ присоединяется новая пара горячихъ бойцовъ, еще и еще—и вотъ валить уже стѣна на стѣну. Неучаствующіе въ бою и тѣ, которые успѣли получить подъ свои бока достаточное число пироговъ, стоятъ на столахъ и тѣлодвиженіями и крикомъ одушевляютъ подвизающихся среди класса рыцарей. Избранный часовой стоитъ у дверей и сторожитъ приходъ учителя. „Тсс... тсс...“ говоритъ онъ и ученики бѣгутъ на свои мѣста.

Учителя встрѣчаетъ въ дверяхъ облако густой пыли.

„А!“ восклицаетъ онъ: — „опять бились на кулачки!“ и внимательно смотритъ по сторонамъ и замѣчаетъ у одного подбитый глазъ.

— А какъ ты смѣлъ биться на кулачки? А?

— Я не бился, ей Богу, не бился!—отвѣчаетъ плаксивый голосъ.

— Врешь! Пошелъ къ порогу.

И виновный безъ дальнѣйшихъ объясненій отправляется, куда ему приказано, распоясывается, растегиваетъ свой напковый сюртучинко и такъ далѣе, и ложится на холодный

поль. Сидѣвшій у порога ученикъ, такъ называемый сѣкуторъ, съ гибкою лозою въ рукѣ, усердно принимается за свою привычную работу.

— Простите! простите! разносится на весь классъ жалобный крикъ

— Прибавь ему, прибавь!—И сѣкуторъ прибавляетъ.

Операція кончилась, и наказанный, какъ ни въ чемъ не бывало, встаетъ, утираетъ слезы, подпоясывается, отдаетъ по заведенному порядку своему наставнику низкій поклонъ—благодарность за поученіе и отправляется на мѣсто, замѣчая мимоходомъ одному изъ своихъ товарищей: „я говорилъ тебѣ, такой сякой, не бей по лицу: синякъ будетъ... вотъ и выдрали.

Та же самая потѣха повторяется и на слѣдующіе дни съ предварительнымъ условіемъ: „смотрите, братцы: по лицу чуръ не бить!...“

Несмотря на такую тяжелую обстановку, учился Ваня все-таки хорошо. Тогда требовалось, чтобы ученикъ только хорошо отвѣчалъ зазубренное наизусть и не прибавлялъ ничего своего къ отвѣту. Но и Ванѣ часто попадало ни за что, напримѣръ, хоть зачѣмъ дурно выговаривалъ. Вотъ какъ онъ воспоминаетъ про себя подъ именемъ Евграфа:

..... Въ классѣ тишина.

Вопросъ учитель предлагаетъ;

Евграфъ удачно отвѣчаетъ,

Восторга грудь его полна.

Наставникъ строго замѣчаетъ:

„Мѣщанскій выговоръ у васъ!“

И весело хохочетъ классъ,—

Евграфъ блѣднѣетъ...

Семнадцати лѣтъ молодой Никитинъ кончилъ въ школѣ и отецъ отдалъ его въ семинарію, — высшее духовное училище. Тамъ было немного лучше чѣмъ въ школѣ, лучше обращались съ учениками, но за то было такое же зубреніе наизусть, то же нетопленіе классовъ зимой, тѣ же непривѣтливые, требовательные учителя, какъ и въ школѣ. Учи-

теля, называемые здѣсь въ семинаріи профессорами, также требовали, чтобы ученики отвѣчали уроки наизусть и какъ доставалось тѣмъ, которые рассказывали своими словами! Одинъ изъ профессоровъ въ „Воспоминаніяхъ семинариста“ рассказываетъ такой случай:

„При нашемъ отцѣ-ректорѣ не заснешь. Онъ еженедѣльно посѣщаетъ всѣ классы; примѣрный, можно сказать, начальникъ: на вопросъ не позволить отступить отъ положеннаго имъ однажды навсегда правила. Вчера сижу я спокойно за своимъ столикомъ, глядь—онъ идетъ. Я вскочилъ, застегнуль въ торопяхъ на всѣ пуговицы фракъ, и подошелъ къ нему подъ благословеніе. „Продолжайте, сказалъ онъ, продолжайте...“ Неудобно ли вамъ кого нибудь спросить?—говорю я. „Ну, чтожъ, пожалуй, пожалуй. Ну ты... читай! Онъ указалъ на одного ученика. Ученикъ-то попался бойкій, какъ бишь онъ прозывается?.. да! Яблочкинъ. Всталъ онъ и началъ объяснять лекцію своими словами, и ничего, такъ знаете свободно. Объяснилъ и стоитъ — улыбается. „Кончилъ?“ спросилъ его отецъ-ректоръ. — Кончилъ. „Ну, чтожъ, вотъ и дуракъ... И забудешь все черезъ полгода“. Яблочкинъ поблѣднѣлъ, я тоже немножко потерялся. Отецъ-ректоръ обратился ко мнѣ. „У васъ въ классѣ 80 человѣкъ. Этакъ нельзя, нельзя! Если каждый изъ нихъ будетъ сочинять отвѣты изъ своей головы, вавилонское столпотвореніе выйдетъ, непременно выйдетъ...“ Я хотѣлъ оправдываться. „Нѣтъ, говорить, этакъ нельзя. Пусть основательно знаютъ то, что для нихъ напечатано, или написано; въ ихъ возрастѣ и этого достаточно, очень достаточно“. Повернулся—и ушелъ. Я и остался, какъ оплеванный и съ досады такъ пробралъ Яблочкина, что у него брызнули слезы“.

А вотъ какъ Никитинъ рассказываетъ, какъ шло преподаваніе въ классахъ:

„Много времени отнимаютъ классы и затверживанье наизусть разныхъ уроковъ, — право досадно! Иногда сидишь, сидишь въ классѣ и задашь себѣ, ради скуки, вопросъ:

„Изь-за чего я тутъ сижу?“ И никакъ не рѣшишь этого простого вопроса. Сегодня, напримѣръ, въ 11 часовъ утра, явилась въ классъ высокая, тощая, блѣдная фигура, одѣтая по своему обыкновенію въ длиннохвостый фракъ со свѣтлыми пуговицами. Это былъ наставникъ, читающій намъ геометрію. Послѣ молитвы „Царю Небесный“ черный фракъ двигался нѣсколько минутъ изъ угла въ уголь по классу, затѣмъ послѣдовали старческій кашель, щелчекъ по табакеркѣ, нюханье табаку и вытираніе носа платкомъ. Мы ко всему этому привыкли и ждали, что будетъ далѣе. „Дайте мнѣ мѣлу!“ Ученикъ подаль ему кусокъ мѣлу и вытеръ грязною тряпкою черную доску. Такъ какъ тряпки были въ мѣлу и выпачкали ему руки, онъ ударилъ ладонью объ ладонь и при этомъ, разумѣется, счелъ нужнымъ, на потѣху товарищей, скорчить рожу. И вотъ на доскѣ появились углы и треугольники. Геометрія у насъ не считается въ числѣ главныхъ предметовъ преподаванія и потому на черченіе наставника никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Онъ оставивъ время отъ времени свою работу, нюхалъ табакъ, поглядывалъ наискось на изображенные имъ круги и треугольники и снова продолжалъ: $AB + AC = AD + AC = S$ и притомъ уголь ВАС и такъ далѣе. Позади меня два ученика преспокойно играли въ три листика, искусно пряча подъ столомъ избитыя, засаленныя карты. Вдругъ одинъ изъ нихъ, вѣроятно въ порывѣ восторга, крикнулъ: „флюсть!“ Наставникъ вздрогнулъ и обернулся. „Какой флюсть? Кто это сказалъ? И подойдя къ нашему столу, ни съ того, ни съ сего, напалъ на сидѣвшаго подлѣ меня товарища. „А, въ карты играть?.. хорошо?.. Пойдемъ къ инспектору“. Бѣднякъ струсиль и указалъ на виновнаго. „Это вотъ онъ что-то сказалъ“. — А, это ты! крикнулъ наставникъ: — хорошо!.. Пойдемъ къ инспектору. — „Помилуйте, отвѣчалъ съ улыбкою ученикъ: — я сказалъ: плюсь, а не флюсть“. — Пошелъ на середину класса!.. ну, стой тутъ. Гдѣ карты? — „У меня никакихъ нѣтъ картъ“. — А, нѣтъ... выворачивай

карманъ... Такъ... Выворачивай другой... Гм... нѣтъ... ра-
стегни жилетъ. — Картъ нигдѣ не нашлось: онѣ уже давно
были переданы въ десятыя руки. „Ну, чортъ васъ разбе-
ретъ! Зачѣмъ ты нарушаешь порядокъ?“ — Виноватъ, я увлекся
вашею задачею; вы, кажется, хотѣли поставить минусъ, а мнѣ
показалось, что нужно плюсъ, я и крикнулъ: плюсъ! — „То-то
увлекся... Пошелъ на мѣсто!“ Динь-динь-динь! Пробило 12 ча-
совъ. „Уже?“ спросилъ наставникъ. Обратился къ журналисту
и подписалъ въ журналѣ свою фамилію. „Дайте-ка мнѣ геомет-
рію“. Книга была подана. „Отъ сихъ до сихъ“, сказалъ онъ и про-
велъ своимъ острымъ ногтемъ на поляхъ страницы двѣ черты“.

Несмотря на такое плохое преподаванье, семинарія была
очень полезна для Никитина и вотъ почему: тутъ онъ узналъ
и прочелъ такихъ нашихъ писателей, какъ Пушкинъ, Лер-
монтовъ, Кольцовъ, Бѣлинскій. Всѣхъ этихъ писателей, ска-
залъ намъ отецъ, вы, дѣти, знаете, вы читали ихъ стихи,
учили наизусть. Вы не знаете только Бѣлинскаго, о немъ вы
услышите послѣ, когда будете постарше. Скажу только, что
это былъ нашъ знаменитый критикъ того времени. Всѣ эти
писатели открыли Никитину такъ много неизвѣстнаго, такъ
много интереснаго въ жизни, въ знаніи, что онъ изъ ребенка
сталъ взрослымъ и самъ началъ писать стихи, только, къ
сожалѣнію, отъ этого времени не сохранилось ни одного
изъ его стихотвореній. Онъ былъ строгъ къ себѣ и рвалъ
ихъ. До насъ дошли только тѣ изъ его стихотвореній, ко-
торыя написаны имъ, когда ему было уже лѣтъ за двадцать.
Одно изъ первыхъ его стихотвореній:

Л Ъ С Ъ.

Шуми, шуми, зеленый лѣсъ!
Знакомъ мнѣ шумъ твой величавый,
И твой покой, и блескъ небесъ
Надъ головою твоей кудрявой.
Я съ дѣтства понимать привыкъ
Твое молчаніе нѣмое
И твой таинственный языкъ,
Какъ что-то близкое, родное.

Какъ я любилъ, когда, порой,
Краса угрюмая природы,
Ты спорилъ съ сильною грозой
Въ минуты страшной непогоды,
Когда большихъ твоихъ дубовъ
Вершины темныя качались
И сотни разныхъ голосовъ
Въ твоей глуши перекликались...

Или, когда свѣтило дня
На дальнемъ западѣ сіяло,
И яркимъ пурпуромъ огня
Твою одежду освѣщало!
Межъ тѣмъ въ глуши твоихъ деревъ
Была ужъ ночь, а надъ тобою
Цѣль разноцвѣтныхъ облаковъ
Тянулась пестрою грядою...

Иванъ Савичъ показалъ свои стихи профессору словесности; профессоръ похвалилъ и совѣтовалъ продолжать.

Домашняя жизнь въ это время совсѣмъ перемѣнилась у Никитина. Дѣла отца его пошли плохо. Торговлю свѣчами захватили въ свои руки богатые купцы и мелкимъ торговцамъ пришлось раззориться. Неудачи сердили Савву Евтихievича; онъ все болѣе и болѣе становился раздражителенъ и началъ больше запивать. Тяжела сдѣлалась жизнь старушки Прасковьи Ивановны и молодого Никитина. Старушка стала хворать. Иванъ Савичъ мечталъ о знаніяхъ, о разумной, полезной жизни, стихи не выходили у него изъ головы, а дома шумъ, брань, побои. Онъ сдѣлался мраченъ и удалялся даже отъ своихъ товарищей въ семинаріи. Девятнадцати лѣтъ онъ кончилъ курсъ. Въ этомъ возрастѣ Иванъ Савичъ былъ довольно красивъ, роста средняго, худощавъ, но крѣпко сложенъ, черты лица довольно правильныя, пріятныя, лучшимъ украшеніемъ были большіе, черные, выразительные глаза. Кончивши курсъ, Иванъ Савичъ хотѣлъ ѣхать въ университетъ, отецъ также желалъ этого, но старушка мать и слышать не хотѣла отправлять сына въ чужой городъ. Савва Евтихievичъ исполнилъ желаніе

жены и вмѣсто университета посадилъ сына въ лавку торговать свѣчами. Нечего говорить о томъ, легко ли это было Ивану Савичу, только и мечтавшему объ ученіи и о знаніяхъ.

А тутъ подошло новое несчастіе: умерла его добрая, терпѣливая мать. Смерть матери поразила Ивана Савича. Онъ остался одинъ съ старикомъ отцомъ на рукахъ.

Еще до кончины Прасковьи Ивановны Никитины раззорились, свѣчной заводъ ихъ рушился, торговля на ярмаркахъ не шла; осталась только свѣчная лавка, да постоялый дворъ, который они купили на послѣднія деньги. Сами они поселились въ старомъ флигелькѣ, а дворъ сдали въ наймы. Послѣ же смерти жены Савва Евтихіевичъ такъ сталъ запивать, что раззорило его совершенно; остался только одинъ постоялый дворъ. Тутъ-то Иванъ Савичъ и показалъ себя истиннымъ сыномъ. Онъ терпѣливо переносилъ недостатки своего отца и взялъ на себя всѣ дѣла: отказалъ арендатору постоялаго двора и самъ сдѣлался дворникомъ. Быть дворникомъ, т. е. хозяиномъ постоялаго двора, значило встрѣчать на улицѣ и зазывать къ себѣ проѣзжихъ, ямщиковъ и крестьянъ съ обозами, задавать кормъ лошадямъ, варить щи и кашу и угощать проѣзжихъ. Когда онъ поправилъ нѣсколько дѣла, то нанялъ стряпуху. И вотъ образованный человѣкъ съ мечтами объ университетѣ, о поэзіи, о знаніяхъ, все бросилъ, чтобы поддержать своего старика. Онъ и одѣвался въ крестьянскій кафтанъ и носилъ высокіе, часто дырявые сапоги. Изрѣдка только въ свободныя минуты удавалось ему забираться на сѣноваль — свой кабинетъ, — тамъ онъ страстно, съ восторгомъ читалъ своихъ любимыхъ авторовъ. И такъ прожилъ онъ долгихъ десять лѣтъ. Вотъ что пишетъ онъ самъ объ этомъ времени своей жизни:

„Окруженный людьми, лишенными малѣйшаго образованія, не имѣя руководителей, не слыша разумнаго совѣта, за что и какъ мнѣ надобно взяться, я бросался на всякое сколько нибудь замѣчательное произведеніе, бросался и на посред-

ственное, за неимѣніемъ лучшаго. Продавая извозщикамъ овесъ и сѣно, я обдумывалъ прочитанныя мною и поразившія меня строки, обдумывалъ ихъ въ нечистой избѣ, нерѣдко подъ крикъ и пѣсни разгулявшихся мужиковъ. Сердце мое обливалось кровью отъ грязныхъ сценъ. Найдя свободную минуту, я уходилъ въ какой нибудь отдаленный уголокъ моего дома. Тамъ я знакомился съ тѣмъ, что составляетъ гордость человѣчества, тамъ я слагалъ скромный стихъ, просившійся у меня изъ сердца. Все написанное я скрывалъ, какъ преступленіе отъ всякаго посторонняго лица и съ разсвѣтомъ сожигалъ строки, надъ которыми плакалъ во время безсонной ночи. Съ лѣтами любовь къ поэзіи росла въ моей груди, но вмѣстѣ съ нею росло и сомнѣніе: „есть-ли во мнѣ хотя искра дарованія?“

За все время своей труженической жизни въ эти десять лѣтъ у Ивана Савича былъ только одинъ другъ—Дураковъ. Ему первому онъ читалъ свои стихи и по его же совѣту рѣшился наконецъ попробовать ихъ напечатать. Это было въ 1853 году, во время Крымской войны. Никитинъ послалъ нѣсколько своихъ стихотвореній въ редакцію „Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“. Стихи его имѣли такой успѣхъ, о какомъ онъ не смѣлъ и мечтать. Слава о немъ распространилась не только въ Воронежѣ, но и въ Петербургѣ. Многіе петербургскіе литераторы писали ему дружескія письма. Въ Воронежѣ лучшіе образованные люди искали познакомиться съ дворникомъ Савельичемъ, какъ его звали извозчики. Лучшее изъ напечатанныхъ тогда стихотвореній было „Русь“:

Подъ большимъ шатромъ
Голубыхъ небесъ, —
Вижу—даль степей
Зеленѣется.

И на граняхъ ихъ,
Выше темныхъ тучъ,
Цѣпи горъ стоятъ
Беликанами.

По степямъ въ моря
Рѣки катятся,
И лежать пути
Во всѣ стороны.

Посмотрю на югъ —
Нивы зрѣлыя,
Что камышъ густой,
Тихо движутся;

Мурава луговъ
Ковромъ стелется,
Виноградъ въ садахъ
Наливается.

Гляну къ сѣверу —
Тамъ, въ глуши пустынь,
Снѣгъ, что бѣлый пухъ,
Быстро кружится;

Подымаетъ грудь
Море синее,
И горами ледъ
Ходить по морю;

И пожаръ небесъ
Яркимъ заревомъ
Освѣщаетъ мглу
Непроглядную...

Это ты, моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!

Широко ты, Русь,
По лицу земли
Въ красѣ царственной
Развернулася!

У тебя ли нѣтъ
Поля чистаго,
Гдѣ-бъ разгуль нашла
Воля смѣлая?

У тебя ли нѣтъ
 Про запасъ казны,
 Для друзей стола,
 Меча недругу?
 У тебя ли нѣтъ
 Богатырскихъ силъ,
 Старины святой,
 Громкихъ подвиговъ?
 Передъ кѣмъ себя
 Ты унижила?
 Кому въ черный день
 Низко кланялась?..

Съ нѣкоторыми изъ своихъ новыхъ знакомыхъ Никитинъ сошелся очень близко. Они полюбили его, образовали свой кружокъ, собирались, читали, говорили и остались дружны съ нимъ до его кончины. Никитинъ приносилъ свои новые стихи, читалъ ихъ вслухъ, талантъ его быстро развивался, извѣстность росла. Въ 1856 году была издана книжка его стихотвореній. Денежныя дѣла его улучшились, такъ что онъ вмѣсто себя могъ нанять дворника, ему оставалось болѣе времени для чтенія и работы. Это было лучшее время его жизни. Отецъ трезвый гордился сыномъ, а выпивши былъ невыносимъ. Ивану Савичу многіе предлагали уѣхать изъ Воронежа въ Петербургъ, чтобы тамъ имѣть возможность развивать на свободѣ свой талантъ, но Никитинъ ни за что не соглашался оставить стараго отца.

Вотъ какъ описываетъ свою обстановку Иванъ Саввичъ въ письмѣ къ своему другу:

„И снова видишь передъ собою:
 Диванъ съ подушкою худою,
 Комодъ, старинный туалетъ,
 Семь стульевъ, столъ на жалкихъ ножкахъ,
 Навозъ какой-то на полу,
 Цвѣты въ какихъ-то глупыхъ плошкахъ
 И, наконецъ, кота въ углу
 Да вотъ пришелъ старикъ сердитый,
 О похоронахъ говорить
 И, кажется, меня бранить“.

Въ этомъ-то кабинетѣ писалъ свои задушевные пѣсни Никитинъ. Стихъ давался ему легко. Онъ писалъ ихъ сразу, безъ помарокъ, но часто недовольный, сжигалъ или рвалъ. Въ стихахъ своихъ онъ всего чаще описывалъ бѣдность, сиротство, которыхъ такъ много видѣлъ и такъ много испыталь въ жизни.

Вотъ какъ онъ описывантъ бѣдность подъ видомъ сироты.

Ахъ, ты бѣдность горемычная,
Дома въ горѣ терпѣливая,
Къ куску черному привычная,
Въ чужихъ людяхъ боязливая!

Всѣмъ ты, робкая, въ глаза глядишь,
Сирота стыдомъ убитая,
Къ богачу придешь—въ углу стоишь
Безпривѣтная, забытая...

Вотъ какъ онъ рисуеть жизнь крестьянина-пахаря:

„Съ ранней зорьки пашня черная
Бороздами подымается,
Конь идетъ—понутивъ голову,
Мужичекъ идетъ—шатается...

Зрѣеть рожь—тебѣ заботушка:
Какъ бы градомъ не побилася,
Безъ дождя въ жары не высохла,
Отъ дождей не положила.

Хлѣбъ поспѣлъ—тебѣ кручинушка:
Убирать ты не уставишься,
На корню-то онъ осыплется,
Безъ куска-то ты останешься.

Урожай—купи спѣсивятся,
Годъ плохой—въ семьѣ всѣ мучатся—
Все твой дворъ не поправляется,
Дѣтки грамотѣ не учатся.

Гдѣ-же кладъ твой заколдованный,
Гдѣ талантъ твой, пахарь, спрятался?
На труды твои, да на горе
Вдоволь вчуужъ я наплакался!“

А вотъ мать рассказываетъ какъ умеръ отъ голода и холода ея маленькій сынокъ:

— „Охъ, я вѣдь съ нимъ заботушки
Не мало приняла!...
Кормить его, по немочи,
Я грудью не могла.

Потру жидкой кашицы
Вольешь ему въ рожокъ,
Сосетъ ее онъ, бѣдненькій,
Да тѣмъ и сытъ денекъ.

Тутъ, знаешь, у насъ горенка,
Зимой-то, что ледникъ, —
Чуть сонный онъ размечется,
Ну и подыметъ крикъ...

И весь дрожить отъ холода...
Начнешь ему дышать
На красныя рученки-то,
Ну и заснетъ опять.“

— „Съ недѣлю, другъ мой, маялся,
И не бралъ въ ротъ рожка;
Бывало, только капельку
Проглотить молока.

Вчера, моя голубушка,
Ласкаю я его,
Глядь—слезки навернулись
На глазкахъ у него.

Какъ будто жизнь безгрѣшную
Онъ кинуть не хотѣлъ...
А умеръ тихо, бѣдненькій,
Какъ свѣчка, догорѣлъ!“

Покойная, мирная жизнь Ивана Савича продолжалась недолго. Многіе изъ близкихъ друзей его развѣхались, что было для него большой утратой, да и здоровье его пошатнулось. Отчасти бѣдность и лишенія въ молодости были тому виною, а главное, что надорвался, не смотря на то, что онъ, какъ и отецъ его, былъ такъ силенъ отъ природы, что

разъ, хвалясь своей силой, сдвинулъ съ мѣста тяжело нагруженный возъ. Сначала онъ страдалъ разстройствомъ желудка, болѣзнь эта длилась нѣсколько лѣтъ и кончилась чахоткой. Никитинъ постоянно лечился, сидѣлъ на дегтѣ, ѣздилъ въ деревню къ знакомымъ, ничто не помогало, здоровье становилось все хуже и хуже. Но несмотря на болѣзнь, онъ не оставлялъ литературныхъ занятій, и извѣстность его росла. За три года до смерти, получивъ довольно большія деньги за изданіе своихъ стиховъ, онъ задумалъ открыть книжный магазинъ; возня съ сѣномъ, извозчиками, лошадьми надоѣла ему. Онъ пользовался такимъ уваженіемъ и любовью въ городѣ, что всѣ, кто только могъ, способствовали ему открыть этотъ магазинъ.

Въ 1859 году во время масленицы на главной улицѣ города появилась вывѣска: „Книжный магазинъ Никитина“. Иванъ Савичъ былъ такъ счастливъ, такъ радъ, что достигъ своей цѣли, и поведетъ съ этихъ поръ спокойную жизнь, что послѣ молебна для освѣщенія магазина обнялъ своего отца и зарыдалъ...

Здоровье Ивана Савича становилось все хуже и хуже. Лѣтомъ 60-го года онъ, полубольной съѣздивъ, ненадолго въ Петербургъ по дѣламъ магазина, но этой поѣздкой остался недоволенъ, почти всѣ литераторы были разъѣхавшись и онъ ни съ кѣмъ не могъ познакомиться.

Въ началѣ 61-го года, почти умирающій, Иванъ Савичъ былъ чрезвычайно обрадованъ освобожденіемъ крестьянъ. Лѣтомъ онъ почти не вставалъ съ постели, такъ былъ худъ, что его нельзя было узнать, и уже не могъ заниматься. Умирать ему не хотѣлось, положеніе его улучшалось, дѣла шли хорошо. По временамъ онъ надѣялся подняться и снова сознаться, что все кончено. За годъ до кончины онъ написалъ прекрасную свою повѣсть „Записки семинариста“, въ ней очертилъ свою невеселую молодость и самого себя умирающимъ отъ чахотки. Кончается эта повѣсть, можно сказать, лучшимъ его стихотвореніемъ, въ которомъ выразилась

вся его безрадостная жизнь и печаль о своей ранней кончинѣ. Вотъ это стихотвореніе:

Вырыта заступомъ яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая;
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая, —
Горька она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла.

Что же? Усни моя доля суровая!
Крѣпко закроется крышка сосновой,
Плотно сырою землею придавится.
Только однимъ человѣкомъ убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна!...

Вотъ она—слышится пѣснь беззаботная, —
Гостя погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается;
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише!... О жизни поконченъ вопросъ;
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!...

Эти стихи высѣчены на памятникѣ, поставленномъ поэту на могилѣ его. Иванъ Савичъ скончался 1861 года 16-го октября, 37 лѣтъ.

Онъ оставилъ духовное завѣщаніе, по которому деньги, вырученныя за изданія его сочиненій, завѣщаль употребить для какой нибудь благотворительной цѣли.

Старикъ отецъ былъ страшно пораженъ кончиною сына, даже сразу постарѣлъ лѣтъ на десять. Онъ пережилъ сына тремя годами.

Похороны поэта были торжественны. Его провожало до могилы духовенство, учащіеся и множество почитателей его таланта. Поэта погребли на Новомъ или Митрофаньевскомъ кладбищѣ.

Такъ прошла жизнь поэта и человѣка въ полномъ смыслѣ этого слова. Не будь такъ тяжела его обстановка и его жизнь, быть можетъ, онъ развился бы еще могучѣе и силь-

нѣе. Несмотря на это, какъ каждая прочувствованная имъ строка его стиховъ, такъ и его жизнь могутъ служить всѣмъ поученіемъ и примѣромъ. Вотъ что онъ завѣщалъ намъ:

Медленно движется время,
Вѣруй, надѣйся и жди...
Зрѣй, наше юное племя!
Путь твой широкъ впереди.
Молніи насъ освѣщали,
Мы на распутьи стоимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.
Рыхлая почва готова,
Сѣйте, покуда весна:
Добраго дѣла и слова
Не пропадутъ сѣмена.
Гдѣ мы и какъ мы добыли —
Внукамъ отчетъ отдадимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Н. Капустина.

УТРО ВЪ ЛѢСУ.

КВОЗЬ вѣтви чуть распустившейся липы
Брызнули солнца лучи золотые
И отразились въ душистыхъ листочкахъ,
Униженныхъ свѣтлой росю.

Изъ норокъ прохладныхъ и мховъ изумрудныхъ
Влажныя крылья свои расправляя,
Вышелъ жучекъ и пестрая Божья коровка
И мириады другихъ насѣкомыхъ.
Въ воздухѣ ясномъ торжественнымъ хоромъ
Чудныя пѣсни вокругъ зазвучали
Пташекъ залетныхъ, и всюду казалось
Видимо было присутствіе Бога.

С. Дрожжинъ.

МАЛЕНЬКІЙ РУДОКОПЪ.

ЧТОБЫ не думать объ опасности, Готлибъ сталъ смотрѣть вокругъ себя. Онъ думалъ, что въ глубинѣ увидитъ громадную пещеру, поддерживаемую гигантскими столбами, блестящую золотомъ и серебромъ. Ничего этого не было. Темныя галереи, гдѣ едва можно было прямо стоять, тянулись по всеѣмъ направленіямъ: то возвышаясь, то понижаясь, а иногда спускались перпендикулярно. Кламротъ объяснялъ ему все, что они видѣли. Показывалъ руду, насосы, выкачивающіе воду до самаго верха колодца посредствомъ видимой имъ машины, онъ обращалъ его вниманіе на множество маленькихъ огоньковъ—фонари рудокоповъ мелькавшіе съ разныхъ сторонъ, и на глухой стукъ трехколесныхъ фуръ. Этѣ фуры, говорилъ Кламротъ, рудокопы называютъ по своему, собаками, спереди у нихъ придѣланъ фонарь, а сзади ихъ подталкиваютъ руками до внутренняго отверстія колодца, тутъ вынутую изъ нихъ руду опускаютъ въ чанъ и извѣстными аппаратами приподнимаютъ до верхняго отверстія колодца. Потомъ показалъ ему въ корзинкахъ выломанную руду и орудія рудокоповъ: молотки, палицы, бурава и т. д.

Вдругъ въ рудникахъ раздался страшный трескъ; дрожа отъ страха, Готлибъ упалъ на колѣни. Кламротъ поднялъ его и успокоилъ объясняя, что трескъ произошелъ отъ взрыва мины — въ подземныхъ галлереяхъ и что это не рѣдкость. Готлибу казалось, что земля подъ его ногами колеблется, и просился выйти изъ рудниковъ. Кламротъ согласился и подошелъ къ колодцу чтобы выйти. Но въ этотъ день Готлибу суждено было испытать всѣ ужасы этого ремесла. Въ то время какъ поднимали къ верху полный чанъ и дожидались его обратно, Кламротъ разговаривалъ съ двумя рудокопами работавшими тутъ. Они стояли прямо подъ отверстіемъ колодца. Вдругъ одинъ изъ нихъ упалъ мертвый на землю, не произнеся ни слова; окружавшіе его работники остолбенѣли отъ ужаса. Наконецъ другой рудокопъ сказалъ:

— Я говорилъ ему не наполнять такъ чана, не послушался, вотъ самъ же и сдѣлался жертвой. Тутъ онъ сталъ отыскивать камень упавшій въ голову несчастнаго, и вскорѣ нашелъ его. Камень былъ немного больше орѣха; Готлибъ не понималъ какъ могъ онъ убить человѣка.

— Очень просто, сказалъ рудокопъ. Вышина увеличиваетъ тяжесть падающихъ предметовъ. Въ своемъ паденіи, такой камешекъ достигъ силы почти пушечнаго ядра. У насъ было много такихъ примѣровъ. Господь послалъ ему внезапную смерть. Жаль его жену и дѣтей, онѣ имъ только и жили.

Извѣстіе объ этомъ случаѣ распространилось по всѣмъ рудникамъ. Отовсюду огни приближались къ колодцу. Вскорѣ всѣ рудокопы окружили своего безжизненнаго товарища. Каждый выражалъ сожалѣніе. Директоръ положилъ конецъ всему, предложивши прочесть „Отче нашъ“ за упокой души усопшаго. Помолившись, рудокопы принялись за свою опасную работу. Умершаго положили въ чанъ, которымъ Кламротъ и Готлибъ хотѣли воспользоваться, товарищъ сѣлъ около несчастнаго и поднялся на поверхность земли. Готлибъ съ отцемъ принуждены были возвратиться по той же дорогѣ, по которой спускались.

— Недостаетъ теперь, чтобы вспыхнулъ газъ рудниковъ, сказалъ Кламротъ, тогда ты узналъ бы все, что можетъ случиться въ нихъ ужаснаго. Готлибъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на отца.

— Газъ рудниковъ, продолжалъ Кламротъ, это вредный воздухъ, отдѣляющійся иногда въ рудникахъ, отъ него или задыхаются работники, или онъ воспламеняется отъ соприкосновенія съ огнемъ. Если газъ вспыхнетъ, рудники становятся всепожирающей, пылающей печью. Ну, хочешь ли еще быть рудокопомъ?

Готлибъ хранилъ глубокое молчаніе до тѣхъ поръ, пока не вышелъ изъ рудниковъ и не увидалъ дневнаго свѣта. Тутъ онъ вздохнулъ свободно и сказалъ:

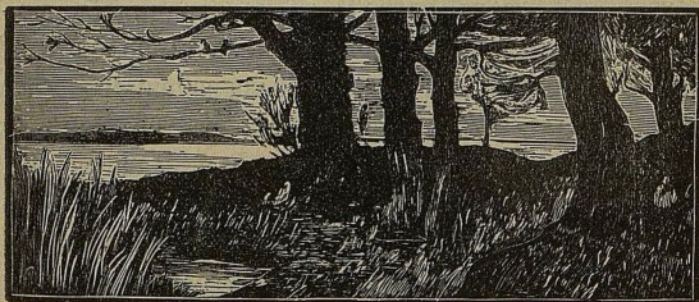
— Я представлялъ себѣ рудники въ другомъ видѣ.

— Каждый день мы узнаемъ что нибудь новое. Всякое положеніе имѣетъ свою хорошую и свою дурную сторону, замѣтилъ Кламротъ.

Дѣти, увидавши отца и Готлиба, обрадовались имъ. Игрушки, принесенныя Готлибомъ, доставили имъ большое наслажденіе. Готлибъ радостно раздѣлилъ ихъ дѣтямъ.

(Съ нѣмецкаго.)

Жирица.

ОЧЕРКЪ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ЕСЛИ ВЫ посмотрите на карту, то увидите, что Воронежская губернія находится на границѣ между Малороссіей и Великороссіей.

Рѣка Донъ раздѣляетъ ее почти на двѣ равныя части. Западная часть возвышенна и холмиста, восточная—степная.

Кромѣ Дона по Воронежской губерніи протекають его притоки судоходные: Воронежъ и Хоперь и много несудоходныхъ мелкихъ, изъ нихъ замѣчательнъ Битюгъ, по породѣ лошадей, которыя тамъ разводятся. Ихъ и называютъ по рѣкѣ битюгами. Битюги отличаются необыкновенной силой и выносливостью.

Лѣтомъ въ Воронежской губерніи страшно жарко, такъ какъ она на югѣ, а зимой бываютъ большіе морозы—по отдаленности моря. Благодаря жаркому лѣту, тамъ можетъ отлично вызрѣвать виноградъ, только на зиму лозы виноградныя надо зарывать въ землю, а то погибнуть отъ холода. Арбузы и дыни поспѣваютъ прекрасно, ими засеваютъ поля, называемыя бакчами.

Зима устанавливается поздно; рѣки замерзають въ половинѣ ноября. Рѣки вскрываются въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля, снѣгъ быстро таетъ и въ первыхъ числахъ апрѣля уже разцвѣтаетъ лиловая и малиновая медуница. Въ половинѣ апрѣля—голубенькій нѣжный подснежникъ, ко-

торый въ Петербургѣ можно видѣть только за окнами цвѣточныхъ магазиновъ. Въ концѣ апрѣля березы уже выпускаютъ свои душистыя почки, развертываются клейкіе, пахучіе листочки, цвѣтутъ фіалки и далеко разливаютъ свой нѣжный запахъ. Въ началѣ мая яблони, вишни покрываются какъ пухомъ нѣжными бѣлыми цвѣтами, черемуха стоитъ точно невѣста въ бѣломъ уборѣ, распускается важный дубъ, поютъ птички, цвѣтетъ земляника и когда тамъ лѣто входитъ въ свои права, въ Петербургѣ только, только еще наливаются бузинныя почки, еще сыро, холодно, едва зеленѣетъ травка. Хорошо на югѣ!

Минеральное царство незначительно. Встрѣчаются разные сорта глины: горшечная—черная, желтая и красная, употребляемая для черепицы, пишущій мѣлъ, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ желѣзная руда.

Населеніе Воронежской губерніи почти исключительно славянскаго племени, изъ великороссовъ и малороссовъ, есть нѣмецкія колоніи и цыгане. Малороссы живутъ больше въ южныхъ уѣздахъ губерніи, великороссы—въ сѣверныхъ.

Воронежская губернія находится почти вся въ черноземной полосѣ Россіи; почва очень плодородна; ее рѣдко гдѣ удобряютъ; урожаи бываютъ довольно хорошіе.

Обрабатываютъ поля крестьяне лошадьми и волами. Сѣютъ больше пшеницу и овесъ, потомъ просо, рожь, гречиху, ячмень, горохъ, ленъ и коноплю. Садятъ картофель, подсолнечники для добыванія масла, сахарную свекловицу и табакъ. Садоводствомъ занимаются больше помѣщики и торговцы.

Крестьяне живутъ въ мазанкахъ, сдѣланныхъ изъ кольевъ переплетенныхъ хворостомъ, смазанныхъ глиной, выбѣленныхъ мѣломъ; кроютъ хаты соломой и очеретомъ. Изъ бревенъ хатъ не строятъ, лѣсу мало, и тотъ очень дорогъ. Во времена Петра Великаго тамъ были большіе лѣса, но теперь они всѣ повырублены. Главныя породы деревьевъ: дубъ, береза, ясень, осина и ива. Лѣса эти разбросаны отдѣльными рощами, такъ называемыми дачами или урочищами.

МАЛОРОССЪ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Мазанки издали, особенно на солнцѣ, очень красиво блестятъ своими бѣлыми стѣнами и живописными низкими крышами; смотрятъ весело, чисто, уютно. Одежда крестьянъ еще красивѣе ихъ жилищъ. Русскіе и малороссы—мушны ходятъ въ бѣлыхъ рубашкахъ и бѣлыхъ суконныхъ свитахъ съ красной оторочкой и въ высокихъ смушковыхъ шапкахъ. Женщины, какъ русскія, такъ и малороссіянки, одѣваются также почти одинаково. Только русскія вмѣсто пестрыхъ неспитыхъ плахъ носятъ пестрыя домотканныя полосатыя и клѣтчатыя юбки, у тѣхъ и другихъ рукава и подолы рубашекъ вышиты, головы повязываютъ платками. Дѣвушки украшаютъ головы цвѣтами, на шею навѣшиваютъ много бусъ. Выходя со двора, надѣваютъ бѣлыя суконныя свитки съ красной оторочкой. Такъ все красиво, живописно, нарядно и дома ихъ, и одежда, и сами они, и лѣто теплое, почти всегда голубое небо, и земля плодородная, чѣмъ бы кажется не житье! А приглядишься поближе и видишь, что народъ нуждается въ землѣ, живутъ тѣсно и не совсѣмъ чисто. Нерѣдко ѣдятъ хлѣбъ пополамъ съ картофелемъ, по недостатку земли, богатые купцы позабрали въ свои руки помѣщичьи земли, отдаютъ ихъ въ аренду крестьянамъ въ тридорога. Кромѣ недостатка въ землѣ, зимой терпятъ отъ недостатка въ топливѣ. Дрова дороги, топятъ соломой. Чтобы дешевле было, живутъ въ одной хатѣ семьи по двѣ и по три. Отъ тѣсноты часто болѣютъ.

Вотъ и вспомнишь Никитина:

„Ахъ ты бѣдность горемычная“.

* * *

Редакторъ-издательница Т. ПАСЕКЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 марта 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.